

ЧАРЛИ *Би*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РАЗВОД

18+

ЦЕНА МОЕЙ СВОБОДЫ

Чарли Ви

Развод. Цена моей свободы

<https://litres.ru/74461697>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Выходит, я для тебя была всего лишь дорогостоящим призом, которого ты добился? Да?

– Не набивай себе цену. Ты просто тело со смазливym личиком. А любое тело можно заменить другим телом. Так что закрой рот и не истери.

Какая девушка не мечтает о сказке и принце, который появится и спасёт её от нищеты и несправедливости?

Мой муж стал для меня именно таким принцем.

Всё закончилось спустя полгода, когда я узнала, что он давно любит другую.

А наш брак для него всего лишь удобная и красивая ширма.

И он не намерен меня отпускать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Визуал	20
Глава 5	33
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Чарли Ви

Развод. Цена моей свободы

Глава 1

– Виктория, ваш Максим, просто загляденье, – вдруг прозвучал рядом томный, сладковатый голос жены банкира. – На него не наглядишься. Настоящий мужчина. Вам так повезло, дорогая.

Я вздрогнула, будто пойманная на чем-то постыдном, и машинально улыбнулась, встречая ее завистливый взгляд.

– Спасибо, Ирина Петровна, – ответила ей, со сдержанной улыбкой.

Я стояла в кругу дам в дорогих брендовых платьях, кивала в такт их беседе, а сама смотрела на него.

Максим. Мой муж.

Сейчас он стоял в центре зала, окруженный плотным кольцом важных мужчин в одинаковых темных костюмах. Но даже среди них Максим был другим.

Он не пытался заполнить собой пространство громкими словами или напускной бравадой. Его сила была тихой, само собой разумеющейся. Он слушал, слегка склонив голову, и в его молчании было больше власти, чем в самых громких ре-

чах его собеседников. Широкие плечи, твердый взгляд, который мог быть ледяным, а мог... таким, каким я видела его лишь пару раз в самом начале наших отношений, до того, как на мне появилось это обручальное кольцо.

Я восхищалась им. Каждой чертой этого резкого, волевого лица. Каждым жестом, точным и выверенным, как инженерный расчет. Он был воплощением надежности, той самой скалой, о которую можно было укрыться от всех бурь. Моей личной скалой. По крайней мере, я так наивно думала.

Иногда он ловил мой взгляд — холодный, оценивающий, словно проверяя, на месте ли его вещь.

И внутри меня все замирало от этого взгляда.

Ведь он выбрал *меня*. С ним могла быть другая, более красивая или умная.

Но он дал мне своё имя, свой дом, свою неприступную крепость, в которую я когда-то мечтала войти не просто гостьей, а полноправной хозяйкой.

Я любила его. Без памяти, без остатка.

И ненавидела ту тихую, почти невыносимую боль, которую причиняла его отстраненность.

Рядом щебетали жены его коллег. Их разговор о последних коллекциях и курортах проплывал мимо меня, как отдаленный шум прибоя.

Я кивала, автоматически улыбаясь, но вся была там, в нескольких метрах от него. Ловила обрывки его фраз, низкий, грудной тембр, от которого по спине бежали мурашки.

Я пила его жадно, украдкой, как пьяница – последний глоток. Любуюсь линией скул, привычным жестом, которым он поправляет часы.

И вот он закончил разговор, кивком отпустив деловых партнеров.

На его лице на секунду появилась легкая усталость, которая тут же скрылась за непроницаемой маской.

Я уже сделала неуверенный шаг вперед, чтобы подойти... и замерла.

К нему, легкой, порхающей походкой, подошла она. Невысокая, миниатюрная, в облегающем платье цвета шампанского девушка.

Ее темные волосы были собраны в небрежный пучок, открывая изящную шею.

Она что-то сказала, запрокинув голову, и ... он улыбнулся.

По-настоящему. Не той светской, сдержанной улыбкой, которую он дарил мне и другим, а той, что идет из самой глубины.

От которой у него чуть прищурены глаза и появляются лучики в уголках.

Его большая ладонь смотрелась на ее хрупкой талии как данность, как нечто, имеющее на это полное право.

Она снова что-то сказала, засмеявшись, он наклонился к ней, его губы почти коснулись ее виска.

Мое сердце, еще секунду назад замершее в восхищении,

резко и болезненно рухнуло куда-то в пропасть.

Внутри всё застыло. Голова стала легкой и пустой, а в груди, наоборот, все сжалось в тугую, тяжелый и невыносимо болезненный узел.

Это был физический приступ боли, как отточенный удар острым лезвием.

Но я не дрогнула. Не отвела взгляд. Даже бровью не повела.

Спасибо моему дяде. Спасибо тем долгим годам после гибели родителей, когда любая слеза, любое проявление «слабости» встречались ледяным презрением или колкой насмешкой.

«Вытри слезы, Виктория. Мир не для нытиков».

«Улыбайся, даже если больно. Никто не должен видеть твоего поражения».

Я научилась.

О, да, я научилась так хорошо, что теперь даже когда внутри умирала, снаружи я была все той же Викторией Одинцовой – ухоженной, спокойной женой успешного Максима Одинцова.

Я холодно наблюдала, как его пальцы нежно провели по ее обнаженной спине, как он что-то шепнул ей на ухо, и она снова засмеялась, накрыв его руку своей.

Мне хотелось подойти, рвануть её за волосы, чтобы улыбка на её лице исчезла. Хотела предъявить ей свои права на мужа, но продолжала смотреть на них, как мазохистка.

Максим поднял взгляд и встретился с моим. Улыбка мгновенно погасла на его лице, а между бровей на переносице залегла глубокая складка.

Глава 2

Воздух в зале стал густым и спертый, как в стеклянной ловушке. Звуки – смех, звон бокалов, бессмысленный щебет вокруг – слились в один оглушительный, ненавистный гул.

Во рту у меня стоял горький, медный привкус. Я сглотнула его, заставив мышцы горла работать через силу. Мои пальцы сами собой сжали тонкую ножку бокала так, что хрусталь, казалось, вот-вот треснет под давлением.

«Улыбайся, Виктория», – прозвучал приказ в голове сказанный ледяным голосом дяди. «Никто не должен видеть, что тебе плохо».

Я медленно, преодолевая сопротивление каждой мышцы, подняла бокал к губам, сделала крошечный глоток.

Шампанское было отменным, сухим, с игристыми нотами. Теперь оно было похоже на смесь уксуса и пепла.

Поставила бокал на поднос проходящего официанта, движение было ровным, без единой дрожи.

Я – жена Максима Одинцова, и я только что увидела, как мой муж наслаждается обществом другой женщины на моих глазах.

Одним изящным движением я поправила несуществующую складку на своем платье – том самом, что выбирала часами, надеясь хоть на секунду поймать его восхищенный взгляд.

– Виктория, милая, вы только не расстраивайтесь, – вдруг прозвучал у самого уха сладкий, пропитанный фальшивым участием голос Ирины Петровны. Она подошла так близко, что я почувствовала запах ее приторных духов. – Я вам искренне сочувствую. Но, знаете, этого следовало ожидать. С таким мужчиной, как ваш Максим, редко бывает счастлива одна женщина. Сильные мужчины всегда имеют свой гарем, – она многозначительно кивнула в их сторону.

Слова повисли в воздухе, тяжелые и ядовитые.

Я медленно повернула к ней голову. Внутри все кричало, рвалось наружу, но годы дрессировки сделали свое дело.

– О чем вы, Ирина Петровна? – голос прозвучал ровно, с удивлением, будто она только что заговорила со мной на непонятном языке. – Я не понимаю.

Ирина Петровна сделала сочувствующее лицо, нарочито медленно положив свою руку с массивным кольцом на мою.

Ее прикосновение было холодным и липким, как у змеи.

– Ох, милочка, – она наклонилась ко мне, понизив голос до интимного, сострадательного шепота, от которого по коже побежали мурашки. – Так вы ничего не знаете. Это же Арина Соболева. Невеста вашего мужа. Ну, точнее, бывшая невеста. Они собирались пожениться, все уже знали о помолвке... а потом внезапно его планы изменились. – Она многозначительно посмотрела на мое обручальное кольцо. – Но как видите, от красивой девушки и первой любви сложно отказаться, даже ради... законной жены.

Мир не рухнул. Он замер. Застыл в одной точке, в этом ядовитом шепоте, в ее сочувствующих глазах, полных жгучего любопытства.

Арина Соболева.

Бывшая невеста.

Первая любовь.

Каждое слово впивалось в сознание, как заноза. Внезапно изменившиеся планы. Мой брак. Моя свобода. Моя наивная вера в то, что он *выбрал* меня.

Все сложилось в единую, уродливую картину. Он женился на мне не потому, что увидел что-то во мне. А потому, что *не смог* жениться на ней.

Я была планом «Б». Сделкой. Удобным вариантом, чтобы заручиться поддержкой дяди.

И пока я строила воздушные замки о нашей будущей жизни, он... он продолжал любить другую. Ту, что сейчас так беззаботно смеялась, положив руку на его грудь.

Во рту пересохло. Маска на моем лице вдруг стала невыносимо тяжелой, она трещала по швам, грозя обнажить всю мою боль и унижение.

Я медленно, с невероятным усилием, отвела свой взгляд от Ирины Петровны и снова посмотрела на них.

На его руку, лежащую на ее талии. На ее счастливое, покрасневшее лицо. Он знал, что я смотрю. И всё равно про-

должал флиртовать с ней. Перед всеми. Не стесняясь никого. Выставляя меня самой настоящей глупой овечкой.

И вдруг все встало на свои места. Его вечная отстраненность. Холодные поцелуи в щеку. Взгляд, который всегда был направлен куда-то *сквозь* меня.

Я была не женой. Я была ширмой.

– Простите, я вижу старого знакомого, должна поздороваться, – произнесла я все тем же бесстрастным, вежливым тоном и, не дожидаясь ответа, развернулась и отошла.

Я шла, не видя ничего перед собой, просто удаляясь от эпицентра взрыва, который тихо и беспощадно разнес в щепки мой хрупкий мир. Каждый шаг давался с невероятным усилием. Но я держалась. Пока держалась.

Мне нужно было просто дойти до выхода. До лифта. До машины.

Сохранить это каменное спокойствие еще несколько минут.

Рука на моем запястье возникла внезапно. Хватка была твердой, властной и не допускающей возражений.

Знакомое прикосновение, от которого еще недавно по телу бежали мурашки, а сейчас заставило вздрогнуть, будто от ожога.

– Вика.

Его голос был низким, ровным, без единой нотки того тепла, что я слышала минуту назад.

Я замерла, не оборачиваясь, чувствуя, как тепло его паль-

цев прожигает кожу.

– Ты куда? – спросил он, разворачивая меня к себе.

Его темные глаза холодно скользнули по моему лицу, выискивая следы паники или слёз.

Я подняла на него взгляд, заставив губы растянуться в самой светской, ничего не значащей улыбке.

– У меня слегка разболелась голова, Максим. Я не хотела тебя отвлекать. Решила поехать домой, прилечь. – Голос не подвел, прозвучав ровно и вежливо.

Его взгляд стал пристальным, изучающим. Он знал меня. Знал, что я никогда не уезжаю с мероприятий раньше него без крайней необходимости.

– Подожди меня. Я скоро, – его тон не предлагал, а приказывал.

Он отпустил мое запястье, но продолжал смотреть на меня, ожидая согласия.

В его позе, в напряженных плечах читалось легкое раздражение.

Я помешала ему. Отвлекла от важного.

Внутри все сжалось в один сплошной, кричащий от боли комок.

Я посмотрела мимо его плеча, на узор на стене.

– Не стоит. Тебе, я вижу, есть с кем обсудить новые проекты, – произнесла я тихо. – Не хочу мешать вашей беседе. Так что поеду одна.

Глава 3

Его пальцы снова сомкнулись на моём запястье, на сей раз так крепко, что наутро, я знала, останутся синяки. Невидимые миру свидетельства его власти.

– Я сказал, подождёшь, – его голос упал до низкого, опасного шёпота, предназначенного только для моих ушей.

В нём не было просьбы, не было даже раздражения теперь – лишь холодная, стальная воля.

Приказ, который не подлежал обсуждению.

Я дёрнула руку – бесполезно. Его хватка лишь усилилась, а взгляд, тёмный и непроницаемый, говорил красноречивее любых слов: я – его собственность, и моё место там, где он укажет.

Внутри всё закипало от бессильной ярости, слёз и горького, ядовитого стыда. Но годы дрессировки взяли своё. Я заставила свои мышцы расслабиться, опустила взгляд и кивнула.

Один резкий, безжизненный кивок побеждённого.

Он отпустил меня, словно отбросил надоевший предмет, развернулся и уверенной походкой направился назад, в зал, к ней. К Арине.

Я же пошла к выходу, чувствуя, как её взгляд прожигает мне спину до самого момента, пока я не свернула за угол в пустынный, прохладный коридор.

Лифт, зеркальный вестибюль, парадные двери... Холодный ночной воздух ударил в лицо, заставив вздрогнуть.

Я сделала глубокий, судорожный вдох, надеясь, что он очистит мысли, но в лёгкие ворвалась лишь спёртая смесь выхлопных газов, дорогого табака и городской пыли.

– Александр, домой, пожалуйста, – бросила я, подходя к тёмному Mercedes, сверкающему под светом фонарей.

Водитель, немолодой, всегда невозмутимый Александр, избегая моего взгляда, мягко, почти извиняюще, покачал головой.

– Простите, Виктория Владимировна. Максим Борисович уже звонил. Распорядился, чтобы вы его подождали в машине.

Кровь ударила в виски, во рту стало горько.

Так. Значит, он не просто приказал, он уже успел позвонить. Отдал распоряжение.

– Я не хочу ждать. Мне надо домой, Александр. Сейчас же, – в моём голосе впервые за вечер прозвучали нотки, не предусмотренные учебником хороших манер – отчаянные, срывающиеся.

– Не могу, – его голос звучал искренне сожалеюще, но непоколебимо, как у солдата, выполняющего приказ командующего. – Приказ. Я не могу вас отпустить одну.

Я отшатнулась от машины, оглядываясь по сторонам с диким, животным взглядом. Охранник у входа, крупный мужчина в чёрном костюме, внимательно, без эмоций наблюдал

за мной. Парковка была закрытой территорией. Попытка уйти пешком выглядела бы жалким, истеричным и унижительным фарсом. И он бы доложил. Он доложил бы обо всём. Максим бы узнал.

Горькая, солёная слюна наполнила рот. У меня не было выбора. Никогда по-настоящему и не было.

Стиснув зубы до боли, я рывком открыла тяжёлую дверь и плюхнулась на холодную кожу заднего сиденья. Салон густо пах дорогим полиролем, кожей и его парфюмом – терпким, властным, как и он сам.

Я ждала.

Минуты тянулись мучительно долго. Я впилась взглядом в освещённый вход, и сердце сжималось в комок болезненного предчувствия каждый раз, когда створки дверей разъезжались. Но это были не он.

Прошло полчаса. Может, больше, когда появились они.

Сначала вышла она. Арина. Лёгкая, сияющая. Она была закутана в короткий элегантный плащ. Она что-то говорила через плечо, снова смеялась ответу Максима, вызывая во мне дикое желание заткнуть это улыбающееся лицо.

Он стоял чуть поодаль, на ступеньках, слушая её, и даже на таком расстоянии, сквозь затемнённое стекло, я видела расслабленность его плеч, и непринуждённую улыбку, которую он дарил только ей.

Она помахала ему рукой, легким, порхающим движением, и скользнула в подъехавшее такси. Он проводил её взглядом,

лицо его было обращено к удаляющемуся автомобилю.

А потом он повернулся и уверенной, неспешной походкой направился к нашей машине. Щелчок открывающейся двери, порыв холодного воздуха.

– Домой, Александр, – бросил он, опускаясь на сиденье рядом со мной и даже не удостоив меня взглядом.

«Домой». Это слово прозвучало как насмешка. Машина плавно тронулась с места, выезжая на ночную улицу.

Он молчал, уставившись в тёмное стекло.

Я молчала, сжимая в замок ледяные пальцы, глядя на отражение его профиля – каменный, безупречный и такой жестокий силуэт на фоне мелькающих огней.

Мы проехали несколько кварталов в гробовой тишине, которая давила сильнее любого крика.

Внезапно он постучал костяшками пальцев по перегородке.

– Останови здесь, Александр.

Машина плавно притормозила у тротуара.

Он, наконец, повернулся ко мне. Его лицо было спокойным.

– Я сегодня не приеду, – произнёс он ровным, лишённым эмоций голосом. – У меня срочные дела. Поедешь одна.

В горле встал колючий, горячий ком. Я знала, какие у него «срочные дела».

Они пахли шампанским и носили имя Арина.

– Понятно, – выдавила я.

Он медленно, оценивающе скользнул по мне взглядом, будто проверяя, не взорвётся ли его тихая, послушная жена. Удостоверившись, что нет, кивнул.

– И не вздумай ничего выкидывать, – его голос стал тише, но от этого лишь опаснее.

В нём не было прямой угрозы, но я знала, что он может сделать со мной, если нарушить его приказ. Хотя нет, не знала. Он ни разу не посмел ударить меня, но почему-то после сегодняшнего вечера, казалось, что теперь возможно всё.

– Никаких истерик. Ни звонков, ни СМС. Сиди дома и жди. Уяснила?

Я посмотрела на него, на этого абсолютно чужого человека, моего законного мужа, и внезапно вся боль, ярость и унижение внутри заledenели, превратившись в нечто острое, твёрдое и молчаливое.

– Уяснила, – тихо ответила я, вкладывая в это слово всю ледяную пустоту, что скопилась у меня внутри.

Его взгляд на мгновение задержался на моём лице, будто он уловил что-то новое, какую-то незнакомую ноту, но затем лишь кивнул, удовлетворённый, резко открыл дверь и вышел на тротуар.

Я смотрела ему вслед, как он, не оборачиваясь, удаляется в темноту. И была уверена, что он уходит туда, к ней.

Александр молча повернулся ко мне через перегородку, вопросительно подняв бровь.

– Домой, Александр, – сказала я ровным, безжизненным голосом.

Машина поехала, увозя меня в мой роскошный, невыносимо пустой дом-аквариум. А я сидела на заднем сиденье, сжимая сумочку в руках, и смотрела в своё отражение в тёмном стекле.

На женщину с абсолютно пустыми глазами, в которой только что умерла последняя надежда.

Визуал

Одинцова Виктория Владимировна, 21 год

Одинцов Максим Борисович, 32 года, владелец строительной компании “Мостовой”

Арина Соболева, 27 лет, бывшая невеста Максима,

Машина плавно катила по ночным улицам, увозя меня от того места, где я снова потерпела поражение. Город за окном был чужим и безразличным. Огни рекламы слепили, но не согревали. Я смотрела на своё отражение в стекле – бледная маска с пустыми глазами.

«Домой». Слово, которое когда-то для меня означало уют, тепло, безопасность, теперь звучало как приговор.

Особняк на Рублёвке, наш «семейный очаг», был для меня роскошной тюрьмой.

С холодными мраморными полами, безупречно дорогой мебелью и давящей, звенящей тишиной.

Александр помог мне выйти, его взгляд был полон молчаливого сочувствия, которое я ненавидела больше, чем открытую насмешку. Сочувствие напоминало о моей слабости. Я не поблагодарила его, просто прошла мимо, к тяжёлой дубовой двери.

Внутри пахло холодным цветочным ароматом от свежих композиций флориста, которые менялись каждый день. И снова – его парфюм. Он витал в воздухе, как призрак, напоминая о том, кто здесь хозяин. Я скинула туфли на высоком каблуке, и босые ступни прилипли к ледяному мрамору. Мурашки побежали по коже.

Я прошла через огромную гостиную, свет включать не стала. Лунный свет падал из панорамных окон, выхватывая причудливые очертания мебели, создавая длинные, пугаю-

щие тени.

Мне казалось, я слышала их перешептывания в это пугающей тишине. Осуждение, презрение и недовольство. Весь дом и мебель в нём будто были на стороне Максима. Они не принимали меня.

Или это уже просто началась паранойя?

Я поднялась в свою спальню, захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и зажмурилась.

Тишина давила на уши. Здесь не было его вещей, его запаха. Это была моя келья. Роскошная, с шелковым постельным бельём и хрустальной люстрой, но всё равно келья.

Слёзы подступили к горлу, горячие и горькие, но я сглотнула их. Плакать было бесполезно. Слёзы не трогали Максима. Никогда. Только раздражали.

Что делать? – этот вопрос бился в висках вместе с пульсом.

Бежать? Куда? Денег нет. Все счета его. Кредитные карты привязаны к нему. Он узнает о любой попытке снять наличные быстрее, чем я успею дойти до банкомата.

Обратиться к кому-то? К дяде? Дядя вернет меня обратно. К другому дяде? Дядя Слава, двоюродный брат моего погибшего отца, был стар, больным и старым дедом, едва сводил концы с концами.

Втягивать его в эту войну с Максимом?

Да Максим сожрёт его заживо, не поморщившись.

Подруги?

Они растворились ещё на первые месяцы моего замужества. Кто по собственной воле, кого я сама оттолкнула, стыдясь своей жизни. Остались лишь знакомые, которые видели глянцевою обложку моей жизни и завидовали «богатому и красивому мужу».

Я осталась одна. Совершенно одна в этом огромном, холодном доме. Надеяться было не на кого. Только на себя. А я себя, похоже, уже давно потеряла.

Я со злостью рванула тонкую ткань платья. Оно душило меня. Ткань больно врезалась в кожу, раздался треск, но мне было сейчас всё равно и на его цену и на то, что с ним будет дальше. Легла в кроватку, натянула на себя одеяло, но оно не согревало. Холод шёл изнутри. Я бы наверно сейчас могла заморозить своим холодом любого кто притронется ко мне. Раньше, когда смотрела сказку о Снежной королеве, сочувствовала Герде и её брату Каю. А теперь...теперь мне хотелось оказаться на месте Снежной королевы, чтобы иметь ледяное сердце и никогда не испытывать такую боль.

Я не помнила, когда уснула. Сон был тяжёлым, беспокойным, полным обрывков криков и тёмных силуэтов. Я проснулась от звука хлопнувшей входной двери. Сердце бешено заколотилось. Я замерла, прислушиваясь.

Шаги в холле. Твёрдые, уверенные, мужские. Он вернул-

ся. Только на часах было девять утра следующего дня. Он провел всю ночь с ней...Ненавижу!

Я слышала, как он поднялся по лестнице, прошёл мимо моей комнаты – даже не замедлил шаг – и скрылся в своей спальне.

Я лежала, не двигаясь, слушая звуки его жизни за стеной. Стиснув зубы, пока не заныли челюсти.

Ярость, которую я вчера заморозила, снова начала медленно оттаивать, превращаясь в кипящую, ядовитую лаву.

Он вышел из спальни. Я услышала, как его шаги направляются вниз, в его кабинет.

Вот и всё. Его утренний ритуал завершён. Он вернулся в свою крепость, чтобы править своей империей. И своей женой.

Я встала с кровати. Не глядя на своё отражение, накинув халат, я вышла из комнаты и спустилась вниз. Я больше не готова была терпеть. Моё сердце колотилось где-то в горле, но руки не дрожали. Внутри была только та самая ледяная пустота, которую он сам и создал.

Я подошла к двери его кабинета и, не стуча, решительно распахнула её.

Он сидел за массивным дубовым столом, уткнувшись в экран ноутбука. На его лице была привычная маска сосредоточенности. Он даже не поднял взгляд, услышав скрип двери. Почему-то это бесило меня больше всего. Я для него даже на уровень помехи не тянула.

Я подошла к столу и встала напротив, уперев ладони в холодный полированный дуб.

– Я хочу подать на развод.

Слова прозвучали тихо, но чётко, разрывая гнетущую тишину кабинета.

Максим медленно, с преувеличенным терпением, поднял на меня глаза. В его взгляде не было ни удивления, ни злости. Лишь лёгкая, презрительная усмешка тронула уголки его губ.

– И куда ты пойдёшь? – Он вальяжно откинулся на спинку кресла, изучая меня, как неинтересную бизнес-проблему.

– Тебя не должно это волновать, – голос не подвёл меня, оставаясь твёрдым. – Просто дай мне развод.

– Нет, – он произнёс это так просто, будто не понимал, что перед ним стоит человек. Такой же человек как и он. со своими желаниями и мечтами.

Внутри всё закипело.

– Почему? – в моём голосе впервые прорвалась дрожь. – Я ведь тебе не нужна. Ты меня всё равно не любишь. Это очевидно. Так зачем мучаешь меня?

Он помолчал, всё также смотря на меня с этой усмешкой. Потом медленно поднялся из-за стола, и его рост, его физическое превосходство снова давили на меня.

– Потому что ты мне ещё нужна.

Его слова ударили меня не в лицо, а куда-то глубже, под дых, вышибая остатки воздуха. Они были такими простыми,

такими будничными, что от этого становилось ещё страшнее. Не «потому что я тебя люблю» или «потому что ты моя». А просто – нужна. Как нужен стул, чтобы сидеть, или вилка, чтобы есть.

– Для чего? – выдохнула я, желая разобраться именно сегодня в причинах такого отношения ко мне. Я впилась в него взглядом, пытаюсь разглядеть в этих холодных, отчуждённых глазах хоть крупицу смысла. – Объясни. Я имею право знать.

Он тяжело вздохнул, с видом человека, которого отрывают от крайне важного дела ради полнейшей ерунды. Он обошёл стол и остановился прямо передо мной, слишком близко.

Его запах, дорогой и терпкий, ударил в ноздри, вызывая тошноту. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде не было ничего, кроме ледяного раздражения.

– На данный момент, – голос стал тише, но от этого каждое слово впивалось в кожу, как игла, – единственное, на что ты имеешь право, так это выполнять обязанности жены.

Он сделал паузу, давая этим словам повиснуть в воздухе, тяжёлым и унижительным приговором.

– Иди займись своими делами. Ванну прими или маску сделай, – он бросил это с такой ядовитой небрежностью, словно перечислял пункты из инструкции по уходу за дорогой, но абсолютно бесполезной вещью. – И не еби мне мозги.

Он повернулся к столу спиной, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Что я отвлекаю его от чего-то дей-

ствительно важного. Что моё отчаяние, моя боль, моё требование свободы – это всего лишь назойливый шум, который нужно прекратить.

Во мне не осталось ничего. Ни ярости, ни слёз. Только всепоглощающее, унижительное осознание полной своей ничтожности в его мире. Я была не противником, не даже пленником. Я была фоном. Обстановкой. Обязанностью, которую он на себя взвалил.

Мои ноги сами понесли меня назад, к двери. Я не помнила, как вышла из кабинета, как прошла по коридору. Я просто шла, ощущая ледящий холод глубоко внутри, холод, который был страшнее любой ярости.

Глава 5

Два дня.

Сорок восемь часов, растянувшихся в бесконечную, липкую паутину отчаяния.

Я не выходила из комнаты. Лежала на кровати, уставившись в узор на потолке, который от долгого рассматривания расплывался в бессмысленные пятна.

Солнечные лучи медленно проползали по стенам, сменялись сумерками, а потом наступала тьма, такая же густая и безразличная, как и та, что была у меня внутри.

Голод давно перестал ощущаться, сменившись лёгкой, посасывающей болью.

Жажда саднила горло, но мысль встать, дойти до мини-бара, сделать глоток воды казалась титаническим усилием. Зачем? Чтобы продлить это? Чтобы чувствовать себя ещё дольше его хорошо обустроенной вещью?

Тяжёлая, ватная пустота, затягивала внутрь себя.

Депрессия – это не грусть. Это отсутствие всего. Отсутствие чувств, желаний, сил.

Полная тишина внутри, когда даже боль кажется далёким эхом.

Я слышала, как он приходил и уходил. Слышала его шаги у двери. Один раз он остановился, рука даже легла на ручку,

но потом он развернулся и ушёл.

Видимо, горничная доложила, что я «не в себе». Мне было всё равно.

На третий день дверь открылась без стука.

Я лежала лицом к стене, накрывшись с головой одеялом, но я узнала его шаги. Тяжёлые, уверенные, владеющие пространством. Он остановился посреди комнаты.

– Вика? – его голос прозвучал негромко, но в тишине комнаты показался громким.

Я не пошевелилась, затаившись, как животное, надеясь, что хищник потеряет интерес.

– Что случилось? – спросил он.

Я не ответила. Слова казались ненужной тратой сил.

Я почувствовала, как он сел на край кровати. Матрас прогнулся под его весом. Пахло его кожей, его парфюмом, улицей. Запах чужой, активной жизни.

Его пальцы коснулись моего плеча через одеяло. Я вся сжалась, но не подала вида. Тогда он резко дёрнул одеяло вниз, обнажив моё лицо. Свет ударил в глаза, заставив зажмуриться.

– Ты что, заболела? – в его тоне появилась лёгкая примесь раздражения и сочувствия? Хотя мне, скорее всего, это показалось.

Его пальцы, прохладные и твёрдые, прикоснулись к моему лбу, чтобы проверить температуру. Это прикосновение, первое за столько дней, показалось обжигающим и до невоз-

возможности фальшивым.

Я резко дёрнулась, отползла к изголовью, прижавшись спиной к холодной деревянной спинке кровати. Моё движение было животным, инстинктивным.

На его лице мелькнуло что-то тёмное. Тень нетерпения, которое вот-вот перерастёт в гнев. Он не стал тянуть меня к себе. Он просто придвинулся вперёд, с лёгкостью поймал мои руки и обхватил своими ладонями мои предплечья. Его хватка была как стальные тиски – не больно, но неотвратимо, лишая всякой возможности вырваться.

– Вика, – произнёс он тихо, но в этом тихом звуке сквозил ледяной шелест угрозы.

Я замерла, чувствуя, как под его пальцами бешено стучит моя кровь.

Его пальцы сжались сильнее, и он резко, грубо встряхнул меня, заставив встрепенуться и, наконец, поднять на него глаза.

– Хватит! – его голос грохнул, сорвавшись с цепи, заполнив всю комнату. – Хватит строить из себя жертву! У меня полно проблем и без твоих истерик!

Я попыталась вырваться, но он лишь сильнее впился в меня.

– Я тебе что, в подвале запер? В цепях держу? – он шипел, приближая своё лицо к моему. Его дыхание обжигало щеку. – Я дал тебе хорошую, даже, блять, шикарную жизнь! Квартиры, машины, одежда, деньги! Что тебе, блядь, не хватает?!

Скажи! Чего ты ещё от меня хочешь, ненасытная?!

Максим тряхнул меня ещё раз, уже не скрывая силы.

Он смотрел на меня, тяжело дыша, с раздувающимися ноздрями, ожидая ответа на свой вопрос.

Что мне не хватает?

Воздуха, Максим. Мне не хватает воздуха. Не хватает того, что нельзя купить ни за какие деньги. И ты никогда этого не поймёшь, – хотелось крикнуть в ответ, но его вопрос повис в воздухе, тяжёлый и абсурдный.

Чего ты хочешь?

Он действительно не понимал. Он измерял всё в квадратных метрах, лошадиных силах и нулях на счёте. Мою душу – тоже.

Я посмотрела ему прямо в глаза, в эти тёмные, ничего не отражающие глубины, и наш голос прозвучал тихо, но чётко, без тени дрожи.

– Мне от тебя ничего не нужно. Вообще ничего.

Он замер на секунду, и я увидела, как в его взгляде что-то щёлкает – не понимание, а раздражение, переходящее в решимость. Словно сложная задача наконец-то получила простой, грубый алгоритм решения.

Он резко отпустил мои руки, и, прежде чем я успела что-либо понять, его руки обхватили меня, подхватили на руки как ребёнка. Я ахнула от неожиданности, мои инстинктивные попытки вырваться были бесполезны против его силы. Он нёс меня через спальню, коридор, вниз по лестнице – как

трофей, как непослушного щенка.

В столовой он буквально поставил меня на пол перед стулом, вдавив в него плечами.

– Мария! – его голос рявкнул, раскатился по безупречно убранной столовой. Экономка возникла в дверях как по волшебству. – Тарелку. Каши. Сейчас же.

Он не сводил с меня взгляда, тяжёлый, полный непреклонной воли. Я чувствовала себя лабораторным животным. Мария испарилась и вернулась почти мгновенно с тарелкой дымящейся овсянки, поставила её передо мной с таким видом, будто подкладывает динамитную шашку.

– Ешь, – приказал он, указывая на тарелку взглядом.

Я не пошевелилась. Просто сжала губы и смотрела на него, впиваясь в него взглядом, в котором была вся моя ненависть, всё отчаяние и непокорность, на какое была ещё способна.

Он тяжело вздохнул, словно устав от капризов глупого ребёнка, отодвинул соседний стул и уселся напротив меня. Он зачерпнул ложку овсянки и протянул её ко мне.

– Если ты сейчас же не откроешь рот, будет только хуже, – его голос был низким и опасным. – Я всё равно накормлю тебя. Лучше не провоцируй. Умирать в моём доме голодной смертью – плохая идея.

Что-то во мне надломилось. Острая, истерическая волна поднялась из глубин. Я откинулась на спинку стула.

– А как можно? – мой голос прозвучал резко, почти визг-

ливо. – Может, повешаться? Или застрелиться? Ты же оружие дома держишь. Это будет быстрее.

Он замер с ложкой в воздухе. И вдруг... смягчился. Не в голосе, нет. Но в глазах появилась какая-то странная усталость, почти человеческая.

– Никак нельзя, – отрезал он, но уже без прежней злобы. – И прекрати себя истязать. Так, ты ничего не добьёшься. Лучше относиться к тебе я не стану.

– А я и не прошу, – выдохнула я, чувствуя, как накатывает новая волна бессилия. – Я просто хочу получить развод. Мне неприятно и мерзко жить с тобой. И твоя роскошь мне ни к чему.

Он усмехнулся, коротко и ядовито, опуская ложку обратно в тарелку.

– Ну да, как же я забыл. Ты мечтаешь о настоящей и чистой любви, думаешь, с любимым рай и в шалаше, – он говорил с неподдельным презрением к этой идее. – Только вот не так это всё, Вик. Любовь – это полный бред. Подрастёшь – поймёшь. А пока – ешь.

Он снова протянул ко мне ложку. Это было последней каплей. Это снисхождение, эта лекция о жизни от моего тюремщика. Я упрямо, с детским протестом, затрясла головой.

– Не хочу.

Всё произошло мгновенно. Его терпение лопнуло. Он резко вскинул руку и со всей силы ударил кулаком по столу.

Грохот был оглушительным. Хрустальная ваза с фруктами

зазвенела. Тарелка с овсянкой подпрыгнула.

Он наклонился ко мне через стол, его лицо исказила чистая, неконтролируемая ярость. Когда он заговорил, его голос был низким, хриплым рыком, полным такой ненависти, что у меня перехватило дыхание.

– Не беси меня. А может, тебя просто выебать. Прямо здесь на столе? Хочешь?

Я качнула головой и взяла ложку. Одна только мысль что он может осуществить сказанное, рождало внутри меня лихорадочную дрожь. Всё, что я знала о сексе с мужем, так это то, что за полгода он был в моей спальне два раза. Первый раз было очень больно, второй раз чуть меньше. Никаких оргазмов, описанных в романах, я не почувствовала. И оказаться сейчас с ним наедине, раздвигать ноги, пока он будет делать своё дело...Нет.

Это мгновенно отрезвило. Я взяла в рот немного каши.

Глава 6

(Максим)

– Максим, «Строй-Вектор» выиграл тендер на новый объект. Крупный госзаказ. Почему ты в торгах не участвовал?

Я с трудом сдержался чтобы не послать Витальевича на хуй. Как же он меня достал за последние несколько лет. Если раньше он мне только советовал, то теперь совсем обнаглел и уже напрямую указывал, что я должен был делать.

– Мне не нужен госзаказ. На него только однодневки слетаются как мухи на говно.

– Это не тебе решать, – последовал ответ.

– Фирма моя, значит, мне.

– Контракт уже подготовили, осталось только твоя подпись.

Голос в трубке был спокоен, ровен, без тени сомнения или просьбы. Он просто игнорировал мои доводы и моё мнение. Старый урод!

Я медленно откинулся в кресло, заставив себя расслабить сжатые кулаки. По горлу поднялся ком яростного протеста.

– Николай Витальевич, – голос мой прозвучал низко, я намеренно сделал его плоским, убрав все эмоции. – «Строй-Вектор» – это мусорная контора. Однодневка. Они даже проектную документацию с первого раза не пройдут, не то что мост построят. Они его бросят, как только первые серьёзные проблемы начнутся или специально будут тянуть деньги, а потом подадут на банкротство. Это отработанная схема. Я в это ввязываться не хочу. Я не могу рисковать репутацией компании. Моей репутацией.

На той стороне повисла короткая, унижительная пауза. Я представил его – сидящим в своём пафосном кабинете с сигарой в руке, придушить захотелось мгновенно.

– Максим, не надо мне лекций о репутации, – его голос приобрёл лёгкий, ядовитый оттенок снисхождения. – Это деньги. Халявные и большие. Наша задача – их взять. А что будет с объектом дальше – это проблемы госзаказчика, а не

твои. Ты просто подрядчик.

Жаркая волна гнева ударила в виски. Он предлагал мне стать мусорщиком. Разгребателем чужих косяков. Подписантом под откровенным браком.

– Нет, – я отрубил, чувствуя, как напрягаются мышцы шеи. – Я не намерен ставить своё имя под авантюрой. Это неприемлемо. Я отказываюсь.

Тишина стала густой, тягучей. Я почти слышал, как он улыбается.

– Серьёзно? – наконец произнёс он, и в его тоне зазвенела сталь. – Что ж, очень принципиально. Тогда этот вопрос придётся вынести на совет директоров. Уверен, коллеги с пониманием отнесутся к твоей... щепетильности.

Он сделал паузу, давая мне представить это: лицемерные рожи его креатур, их подбострастные кивки.

– И я почти не сомневаюсь, на чью сторону они встанут. Всегда встают на сторону денег, Максим. Всегда.

Внутри всё перевернулось от бешенства. Я представил, как мои пальцы сжимают его толстую, холёную шею. Как он хрипит.

Этот старый, продажный ублюдок. Он держал меня на коротком поводке, и мы оба это знали.

Секунда. Ещё одна. Я сглотнул горькую слюну поражения. Выбора не было. Это был тактический отход. Не более.

– Хорошо, – я выдохнул согласие, обжигая им губы. – Присылай документы.

Я не стал ждать ответа, сбросил звонок. Рука сама собой рванулась швырнуть телефон в стену, но я сдержался. Вместо этого я с силой упёрся ладонями в стол, чувствуя, как полированное дерево трещит под напряжением.

Сука, как же он бесил меня.

Они добились своего. Этот жадный паук и его молчаливая, ненавидящая меня племянница.

Две стороны одной медали. Он – открытая угроза. Она – тихое, постоянное давление. Её истерики, её голодовки, её демонстративное умирание в четырёх стенах её спальни. Ёбаная жертва. Истеричка. Неженка. Весь мир должен крутиться вокруг них. Заебали.

Я вышел на лоджию, нуждаясь в воздухе. Злость сдавливала грудь.

Город лежал внизу, освещённый яркими огнями. А я тут вынужден плясать под дудку выжившего из ума старика.

Жалости к ней не было. Было жгучее, острое раздражение. Она – слабое звено. Рычаг. И она пользуется этим с упоением. Сегодняшний спектакль с отказом от еды – очередной укол. Попытка вывести меня из себя.

Она чувствует мою несвободу. И играет на этом. Как будто мне этот брак доставляет огромное удовольствие.

Я сжал перила, ощущая холод металла. Как же сейчас хочется сесть в машину, уехать подальше от этого цирка. К Арине. Туда, где тихо, пахнет кофе и её духами, где я просто могу быть собой. Где меня хотят. А не используют.

Но даже этого не могу позволить сегодня.

Что ещё взбрѣдет в башке у этой ненормальной. Не зря же про оружие моё заикнулась. Прострелит себе голову, и тогда навсегда потеряю возможность скинуть с себя цепкие когти её дядюшки.

Николай Витальевич с первого взгляда создавал впечатление тихого, интеллигентного пожилого мужчины. И мало кто догадывался, что он был отличным манипулятором.

Я сам по глупости несколько лет назад вляпался в это.

Сделал глубокий вдох, закрыл глаза.

Ничего, ничего, я дождусь нужного момента, – уговаривал себя мысленно.

Выигрывает тот, кто играет по-крупному. Осталось немного. А для этого надо было не вызывать сомнений в своей преданности. Хотя у меня это не особо получается. Но будь я абсолютно покладистым, это вызвало бы больше вопросов. Пусть лучше так.

Я развернулся и направился к спальне Вики. Надо было проверить её. В последнее время она всё больше доставляла неудобств.

В комнате было темно. Я подошёл к кровати, щёлкнул ночник. Она лежала на боку, отвернувшись и кутаясь в одеяло.

Где-то внутри шевельнулась жалость к ней, но я тут же отогнал противное чувство.

Она такая же, как её дядька.

Не забывай об этом.

Потянул галстук, скинул пиджак, рубашку и брюки.

Вика должна родить наследника. Только поэтому я сейчас стоял раздетый перед её кроватью.

Я не хотел к ней притрагиваться, не хотел её ни целовать, ни сексом заниматься, но договор есть договор.

«Ты мне внука, я тебе акции» – так звучало условие этого больного уболюдка.

Дорогие мои, надеюсь после этой главы вам станет немного понятнее почему Максим относится к Вике так жестоко. А пока вы ждете следующей главы, которая выйдет завтра. Приглашаю вас в следующую книгу нашего литмоба *«не_отпущу_жену»*

Глава 7

Я лежала в тишине, мечтая стать невесомой, невидимой, раствориться в тишине спальни, чтобы стены этого роскошного склепа не давили так сильно. Но его шаги в коридоре, тяжёлые, отмеренные, властные, всегда выдёргивали меня из забытья. Каждый шаг по паркету отдавался в висках тревожным эхом. Сердце, только-только успокоившееся, снова бешено заколотилось.

Услышав звук открывшейся двери, я замерла, вжавшись в матрас, стараясь дышать ровно и глубоко, изображая сон. Свет ночника, который он щёлкнул, резанул по векам. Я слышала каждое его движение. Звяканье ремня, шелест снимаемого пиджака, глухой стук дорогих туфель на пол. Звуки ритуала, который я ненавидела. Каждый из них отдавался во мне ледяным ужасом.

Матрас прогнулся под его весом. От него пахло дорогим виски, терпкими нотами его парфюма и чужим, холодным воздухом с улицы. Запах другого мира, мира, в котором он жил без меня. Запах чужого человека, который пришёл требовать своё.

Его рука, тяжёлая и горячая, легла на моё бедро через тонкое одеяло. Внутри всё сжалось в один тугий комок протеста и страха. Нет. Пожалуйста. Не сейчас. Не сегодня.

– Не трогай меня, – выдохнула я. Голос сорвался на хрип-

лый, полный неподдельного ужаса шёпот.

Он проигнорировал, как всегда. Его пальцы, грубые и увенченные, скользнули ниже, настойчиво и бесцеремонно нащупывая меня между ног сквозь шёлк ночной пижамы. Я дёрнулась, как от удара током, пытаюсь отползти, вырваться, оттолкнуть эту нависшую надо мной тень.

– Отстань! Отпусти! – зашипела я уже громче, и в голосе зазвенела настоящая, животная паника. Я билась в его руках, но он был сильнее, несравнимо сильнее.

Он легко поймал мои запястья одной сильной рукой, сжал их в стальные тиски и прижал к матрасу над моей головой. Его дыхание стало тяжёлым, прерывистым, оно обжигало щеку.

– Ты моя жена, – голос прозвучал низко и утробно, прямо у моего уха. – И должна подчиняться. Прекрати выёживаться.

– Я не хочу! – выкрикнула я, уже не скрывая дрожи и отвращения. Слезы, горячие и горькие, выступили на глазах и потекли по вискам, впитываясь в ткань подушки. – Ты мне противен! Понимаешь? Противен! Ты же спишь с ней, с этой своей... Ариной! Иди к ней! К своей любовнице!

Его пальцы впились в мои запястья с такой силой, что у меня вырвался короткий, болезненный вскрик.

– Замолчи, – прошипел он, и в его тоне была такая настоящая ненависть, что мне стало по-настоящему, до тошноты страшно.

И тут во мне что-то окончательно надломилось. Вся ярость, вся унижительная беспомощность, вся накопившаяся боль вылились в тихий, сдавленный стон, больше похожий на предсмертный хрип.

– Я не хочу... Мне больно... – я всхлипнула, ненавидя себя за эти слёзы, за эту слабость. – Ты всегда такой грубый... Ты всегда делаешь мне больно... За что? За что ты меня так ненавидишь?

Он замер. Его хватка на моих запястьях чуть ослабла. В гробовой тишине комнаты было слышно только наше неровное, прерывистое дыхание – его тяжёлое, моё – частое.

– Больно? – он переспросил.

Было какое-то странное, приглушённое удивление, будто он впервые задумался над этим словом.

– Да, – прошептала я, сжимаясь от стыда и отчаяния. – Больно. Ты всегда мне делаешь больно. Всегда. Как будто по-другому не хочешь. Или... не умеешь.

Он молчал ещё несколько секунд, и я чувствовала, как его взгляд в темноте изучает моё заплаканное лицо.

– Умею, – прошептал он. Его губы неожиданно коснулись моих. Не грубо, не жадно, не желая подчинить. А мягко. Почти нежно. Это было так внезапно, так чудовищно чуждо всему, что я от него знала, что я на мгновение замерла в полном ступоре, ум отказывался понимать, что происходит. Это была не его ласка. Это была маска. Игра.

Но тут же опомнилась. Нет. Это ложь. Нельзя поддавать-

ся.

– Не надо... – я попыталась отвернуться, но он был уже слишком близко, его тело прижало меня к матрасу.

И тогда его рука снова скользнула между моих ног. Но на этот раз движение было другим. Не грубым и требовательным, а... ласкающим. Я вздрогнула от неожиданности, от непривычного, почти забытого ощущения. Внутри всё сжалось в едином порыве протеста, умоляя сопротивляться, вырваться, но предательское, постыдное тепло стало разливаться по жилам, против моей воли, против моего разума.

Ненависть к себе, острая и горькая, смешалась с диким, неконтролируемым возбуждением. Я стиснула зубы, пытаюсь загнать обратно стон, готовый вырваться из горла. Это было в тысячу раз хуже, чем грубость. Гораздо страшнее. Потому что моё собственное тело предавало меня, откликаясь на прикосновения палача.

Его прикосновения были чужие. Не те грубые, захватнические лапы, что знали лапали моё тело, а руки незнакомца. Того, кого я когда-то, может быть, могла бы захотеть. Когда он снимал с меня шелковую рубашку, его пальцы не рвали ткань, а скользили по коже, вызывая мурашки. Когда его губы коснулись шеи, это не было укусом. Это был поцелуй. Медленный, влажный, исследующий.

Я лежала, парализованная не страхом, а непониманием. Что это? Новая игра? Новая, более изощрённая пытка?

– Максим... – попыталась я протестовать, но мой голос

прозвучал слабо и неубедительно.

– Молчи, – прошептал он не в приказном тоне, а скорее... убаюкивающе. Его губы скользнули ниже, к груди. Он сжал сосок, но не больно, а так, что по всему телу пробежала электрическая волна. Я ахнула от шока. От того, что это может быть приятно. *С ним.*

Его ладони скользили по моим бокам, по животу, будто заново открывая каждую линию, каждый изгиб. Он целовал мой живот, и я чувствовала, как мышцы предательски вздрагивают под его губами. Внутри всё кричало, что это неправильно, что нельзя поддаваться, но тело, долгие месяцы знавшее только холод и боль, начало оживать, предавая разум.

А потом его губы спустились ниже. И инстинкт самосохранения, заглушённый на мгновение, рванулся наружу.

– Нет! – я резко оттолкнула его плечо, пытаюсь приподняться. – Не надо. Пожалуйста, не делай этого.

Он замер, его взгляд, тёмный и пронзительный, скользнул по моему лицу. Я ждала насмешки, грубости, приказа. Но он... отступил. Просто кивнул, без слов, и снова опустился на меня, целуя живот, бедра, как будто и не было моей попытки сопротивления.

Его пальцы, большие и умелые, снова ласкали между моих ног, где пульсировало предательское желание. Он не грубил, не торопился. Он ласкал меня, как будто у него была вечность. Как будто его единственной целью было заставить моё тело забыть обо всём.

И оно забывало. Предательски, постыдно, оно начало отвечать ему. Тихий стон вырвался из моих губ помимо моей воли. Жар разливался по жилам, сметая все доводы разума. Я ненавидела себя в этот момент. Ненавидела его за эту власть надо мной.

Оргазм накатил внезапно и сокрушительно, выгибая мне спину и вырывая из горла тихий, сдавленный крик. Это было так мощно, что на секунду мир пропал, оставив только слепящую вспышку удовольствия.

И в этот миг полной, беззащитной уязвимости, когда моё тело ещё билось в конвульсиях, он вошёл в меня. Не грубо, но властно, глубоко, заполняя собой.

Я не успела даже опомниться, как он начал двигаться. Уже не с той нежностью, что была до, а со звериной, сокрушающей страстью. Он имел меня сильно, безудержно, и моё только что пережившее оргазм откликалось с новой, шокирующей силой.

Я задыхалась, цеплялась за его плечи, не в силах сопротивляться этой волне. Второй оргазм накатил быстро, болезненно-сладко, выжигая из меня всё, даже мысль.

Мы кончили вместе. Я почувствовала, как он изливается в меня, с низким, хриплым стоном.

Его дыхание было хриплым и прерывистым, моё – таким же.

Он не отпускал меня, обняв, крепко прижимая к себе, будто не было между нами ни Арины, ни недомолвок и ни

ссор.

Тело ещё сладко ныло и гудело, ко мне начало возвращаться осознание. Сначала – туманное, а потом всё более чёткое и ужасное понимание.

Что я наделала?

Я не просто позволила. Я откликнулась. Я кончила. Дважды. С ним. С человеком, который унижал меня, ломал, держал в золотой клетке. С врагом.

Внутри всё сжалось от внезапного, острого, обжигающего стыда. Стыда сильнее, чем когда-либо. Потому что теперь я была виновата не только как жертва. Я была виновата как соучастница. Я предала саму себя.

Его объятия, которые секунду назад казались желанными, стали удушающими. Его запах, смешавшийся с моим, стал вызывать тошноту.

Как только его хватка ослабла, я резко, почти грубо, вывернулась из его объятий. Отвернулась набок, спиной к нему, подтянув колени к груди, в позу эмбриона, пытаюсь стать как можно меньше, спрятаться от его взгляда и от самой себя.

Тепло его тела ушло, сменившись ледяным холодом стыда. Я сжала веки, пытаюсь забыть что только что было между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.